

О тамге самаркандских правителей

Автор: Джангар Ильясов

http://www.sanat.orexca.com/rus/archive/3-4-04/history_art3.shtml

Знаки собственности, имевшие распространение на территории Евразии и известные под названием тамга (или нишан), несут важную историческую информацию. Появились они, по-видимому, у кочевых племен, для которых основным мерилем богатства были лошади и скот, и поэтому очень важной задачей являлась необходимость пометить свое имущество, чтобы оно отличалось от имущества соплеменников или соседних кланов и племен. Тавро позволяло успешно решать эту проблему и постепенно превратилось в специальный универсальный знак, который использовали не только для того, чтобы пометить свое добро, но и вообще обозначать клановую или племенную принадлежность того или иного индивидуума или коллектива. Таким образом, у ирано- и тюркоязычных народов тамга начинает играть роль этно-политического символа, своего рода геральдического знака.

Одним из таких знаков является тамга в виде круга с тремя "усами", появившаяся на монетах Самаркандского Согда в V-VI вв. и получившая в научной литературе название "самаркандского" знака, "У-образного" знака, или тамги S 2. Варианты этой тамги (нижний крючок может быть повернут вправо или влево) на протяжении нескольких веков помещались на согдийских монетах, среди которых были упомянутые выше анэпиграфные (то есть не имеющие надписи) выпуски с портретом правителя, литые по китайскому образцу монеты ихшидов Согда (VII - VIII вв.) (табл.: 20-24), а также фельсы Ал-Аш'аса б. Йахьи, битые в Самарканде в 144 г.х. (761 - 762 гг.) (1, табл. XC - XCII, XCIV). Этот же знак встречается в виде нанесенных до обжига знаков на керамике согдийского Пенджикента (табл.: 14, 15).

Тамга S 2 показана как тавро, то есть в своем исконном качестве, на бедре оленя, по-видимому, из царских угодий, изображенного на согдийской серебряной чаше из клада, найденного у дер. Волгино (Пермская губ.) в 1851 г. Эта чаша датирована Б. Маршаком второй половиной VII в. (2, с. 24, табл. 9). В VI - VIII вв. рассматриваемая тамга была, без всяких сомнений, "самаркандским знаком". Но как и почему он появляется в это время в Согде? Отметим, что тамга S 2 встречается и в других, подчас очень далеких от Самарканда регионах, и намного раньше. Так, она есть в числе сарматских знаков из Причерноморья, где она украшала зеркало-подвеску II в. н.э. из погребения 106 могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму (3, с. 39, рис. 18) (табл.: 1), а также в некоторых других среднеазиатских владениях. Например, в Кангюе (район средней Сырдарьи, памятник Ак-Тобе 2) среди материалов I - III вв. н.э. имеется керамический сосуд с нанесенным на него знаком (табл.: 3), который является вариантом тамги S 2 с нижним крючком, повернутым в обе стороны (4, с. 61, рис. 20: 13).

В своем классическом начертании тамга S 2 представлена на жженных кирпичах из храмового комплекса V-VI вв. на городище Канка в Ташкентском оазисе (табл.: 6). Хронологически она синхронна монетам самаркандского Согда с портретом правителя. Правда, пока трудно сказать, является тамга из Канки прямым кангюйским наследием или попала сюда с согдийскими переселенцами. Вариант тамги S 2 обнаружен среди знаков на крупных керамических сосудах-хумах, найденных на городище Мингурюк в Ташкенте (табл.: 7). Тамга S 2 встречается и к югу от Самаркандского Согда. В Южном Согде

(Кашкадарьинский оазис, замок Аултапа) на керамическом сосуде V - VI вв. встречена ее разновидность (1, с. 23, рис. 5), (табл.: 13). Проставлена она также на серебряных и медных монетах "иранских хуннов" эмиссий 33-35, несущих бактрийскую надпись "алхон" (табл.: 8-10) и чеканившихся, по предположению Б. Вайнберг, не ранее времени правления сасанидского шахиншаха Шапура III (383-388) (5, с. 132), то есть в пределах конца IV в. Она же имеется на двух драхмах, битых в подражание Варахрану IV (389 - 399), одна из которых найдена в районе Термеза, а вторая куплена в Кундузе (Северный Афганистан) (табл.: 11). Время выпуска этих монет, вероятно, конец IV - начало V вв. Они считаются чеканом хионитов группы "Гобозико", правивших в Северном Тохаристане с конца IV в. до 40-х гг. V в.

Еще один пункт в Северном Тохаристане, где встречается тамга S 2, находится в Чаганиане. Тамга S 2, пятиконечная звезда, другие знаки, а также бактрийская надпись процарапаны до обжига на керамическом сосуде-корчаге, найденном на территории некрополя рядом с цитаделью городища Дальверзинтепа (6, с. 130 - 132), (табл.: 12). Дальверзинский сосуд с тамгой S 2 можно датировать примерно IV-V вв. н.э. Значительное число знаков S 2 обнаружено в верховьях реки Инд, в горных ущельях Каракорума (в основном у моста Шатиал) (табл.: 16-18), где они часто сопровождают согдийские и бактрийские надписи, оставленные купцами и паломниками на пути

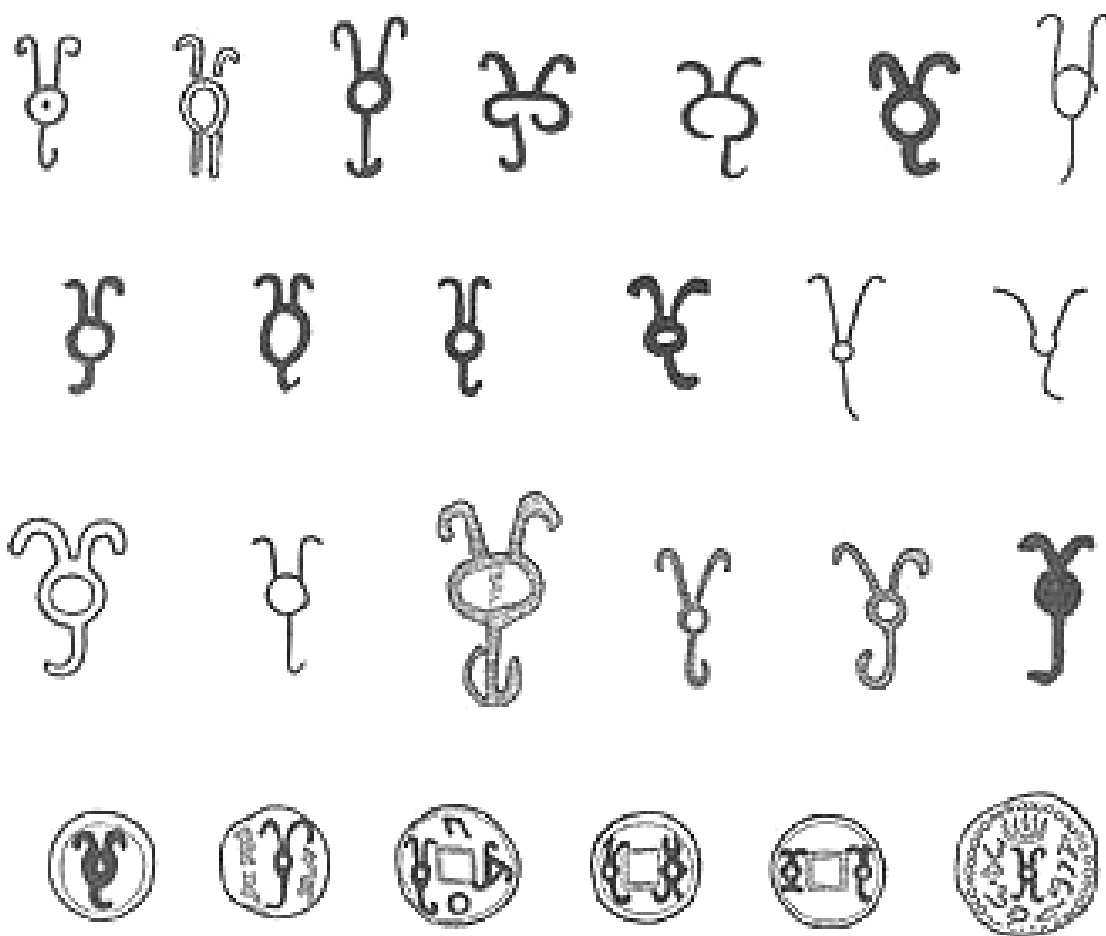
в Индию. По палеографии основную часть согдийских надписей Каракорума датируют IV - VI вв. н.э. К. Йеттмар связывает появление надписей и знаков с хионитами, которые, по всей вероятности, контролировали и защищали дороги от Согдианы до Инда (7, с. XLVII - XLIX).

О. Смирнова именует знак S 2 У-образным, или самаркандским, нишаном. При том, что для VI-VIII вв. связь его именно с Самаркандским Согдом несомненна, мы видим, что в Северном Тохаристане он применяется уже в конце IV - V вв., а у сарматов еще раньше - во второй-третьей четверти II в. н.э.. Существование сходных или идентичных знаков, более ранних у сарматов, и датируемых раннесредневековым временем у среднеазиатских владетелей, объясняется среднеазиатскими корнями сармато-аланских племен, а разница во времени появления знаков на сарматских предметах роскоши или на среднеазиатских монетах зависит от того, когда представители того или иного клана выдвигались на ведущие роли в том или ином регионе. Попробуем представить некоторые события, опираясь на наличие тамги S 2 у сарматов, в Северном Тохаристане и Согде. Итак, у одного из кланов или родов сарматов, населявших во II в. н.э. Крым, имеется тамга, принесенная, предположительно, из казахстано-среднеазиатской степной зоны, скорее всего, из Кангюя. На юге Средней Азии она известна с конца IV в. на монетах. Наличие тамги S 2 в Северном Тохаристане подтверждается находкой с Дальверзинского некрополя.

С V - VI вв. знак распространяется в Самаркандском Согде. Таким образом, можно предположить, что родственные кланы - носители тамги S 2, населяли Крым, Кангюй, Тохаристан и Согд, и в соответствии со временем их прихода к власти (раньше - в Тохаристане, позже - в Согде) рассматриваемый знак появлялся на их монетах. Однако хотелось бы предложить иное объяснение и попытаться связать его с историческими

событиями, которые, нужно подчеркнуть, сами по себе во многом гипотетичны и строятся на предположениях специалистов.

Тамга S 2 попадает в Крым в ходе миграций сармато-аланских племен, обитавших между Каспием и Аралом или где-то в степных районах на севере Средней Азии (Кангюй). Клан - носитель этой тамги остался на западе одним из рядовых. Родственные кланы среднеазиатских номадов в IV в. начинают (вероятно, под давлением хуннов) продвижение из коренных земель Кангюя на юг, увлекая за собой своих кочевых соплеменников, обитавших вокруг согдийских оазисов. Они атакуют под именем хионитов южные районы Средней Азии и Афганистан, став причиной так называемого социально-экономического кризиса IV-V вв., наблюдаемого на территории Северного Тохаристана, в результате которого были заброшены многие города и поселения

(городища Дальверзинтепа, Зартепа, Кей- Кобад-Шах, Шахри-Нау, оазисы Бандыхан, Шах).

Один из кланов (или племен), условно обозначаемый как хиониты группы Гобозико и имеющий своим символом тамгу S 2, закрепляется в Тохаристане и начинает чеканить монеты со своей тамгой. Ряд авторов предполагает, что в V в. бывшие владения хионитов были подчинены другой силе - эфталитам, возможно, бадахшанским горцам (8, с. 1-58; 9, с. 129-140). Согласно другой версии, эфталиты - это, собственно говоря, наименование правящей прослойки хионитов. Не исключено, что кангюйское происхождение хионитов и их последующее подчинение эфталитам в какой-то степени послужило основой для

одной из теорий происхождения эфталитов, изложенной в китайском источнике начала VII в., согласно которой эфталиты были потомками кангюйцев. Эфталиты начали завоевание среднеазиатских земель (в частности, Согд) с юга. Вероятно, именно тогда в Согд попадает, в качестве символа одного из захвативших власть в районе Самарканда хионито-эфталитских кланов, тамга S 2.

Разумеется, не следует забывать и наиболее простой путь: тамга S 2 могла попасть в Согд непосредственно из Кангюя, в период его гегемонии над согдийскими оазисами, но клан, которому она принадлежала, получил здесь власть и начал выпускать монеты лишь в V - VI вв. Возможно, находки ее на территории Согда в комплексах более ранних, чем V - VI вв., позволят отказаться от предлагаемого нами усложненного варианта происхождения согдийских знаков, но пока такие материалы автору не известны.

Возвращаясь к кризису IV - V вв., археологически фиксируемому на территории Северного Тохаристана, следует подчеркнуть следующую характерную особенность: на территории Согда (в долинах Зарафшана и Кашкадарьи) подобного "кризиса" не наблюдается. Р.Х. Сулейманов пишет о подъеме градостроительства и благоустройстве в Нахшабе III в., что касается IV в., то речь идет об инновации каунчинской, отрар-каратауской и джетыасарской керамики в Согде, но не о разрушениях и заброше городов и оазисов (10, с. 313). Представляется, что это можно объяснить следующим образом: территория Согда еще с конца III в. до н.э. входила в состав Кангюйской державы (о которой китайские источники сообщают со II в. до н.э.) и составляла, вместе с Чачским оазисом, ее периферию, удовлетворявшую потребности кочевников в продукции городского ремесла и земледелия. Активная "опека" кангюйцев, по-видимому, не дала объединиться согдийским "городам-государствам" (а точнее, оазисным центрам) в сильное централизованное государство, но, с другой стороны, не позволила мощным соседним империям - Парфянской и Кушанской - включить Согд в свой состав. Движение "хионитов", а именно, кочевого населения Кангюя (в том числе и южных кланов из степных районов, окружавших Бухарский, Самаркандский и Кашкадарьинский оазисы), было направлено вовне, на земли к югу от Амударьи и за Кухитанг - в бывшие владения кушан, эффективную охрану которых их новые хозяева - Сасаниды, занятые борьбой с Римом, - не всегда могли обеспечить. Это могло бы объяснить, почему в Согде не наблюдается картина заброшенных городов и оазисов, аналогичная тохаристанской.

"Стимулом" к хионитскому движению, видимо, стало давление хуннов-сюнну, которые могли в процессе данного (а также предшествовавшего) взаимодействия передать кангюйцам или какой-то их части наименование "хун". Близкое к нашему мнению высказывает и Р. Сулейманов: "Появление инноваций присырдарьинских культур в керамическом комплексе Согда IV - V вв. ... можно рассматривать не как оккупацию Согда хионитами, а как вынужденное переселение основного этнического субстрата бывшего политического образования Кангюя по левобережью Сырдарьи на южные территории, подвластные Кангюю в результате давления на коренные земли их пребывания со стороны гуннов" (10, с. 314).

Характерно, что О. Смирнова называет тохаристанским эфталитского времени трехконечный знак, неизменно сопровождающий на монетах ихшидов Согда (от Шишпира до Мастана и "неизвестного ихшида"), знак У-образный (иначе говоря, тамгу S 2), и видит в их сочетании на согдийских монетах указание "на родство правящего самаркандского рода (канского дома) с одной из династий северной Бактрии" (1, с. 17, 37). Сейчас, когда присутствие тамги S 2 в Северном Тохаристане сомнений не вызывает,

можно предполагать, что оба эти знака пришли в Согд из Тохаристана, и в их утверждении в качестве самаркандских символов отражены сложные события тохаристано-согдийской истории IV - VI вв.н. э.

В связи с нашим предположением вспоминаются чрезвычайно ценные заключения Б. Маршака, писавшего о том, что к характерным для согдийского искусства древневосточной и обновленной эллинистической традициям "в V в. прибавляется еще один компонент - воздействие посткушанского Тохаристана" (11, с. 237). Автор считал, что в IV в. в Согд вторглись сюнну китайских источников, "которых без достаточных оснований отождествляют с хионитами", а после них на протяжении IV - VII вв. "в Согде наблюдается быстрый рост поселений и городов". В то же время с конца IV в. в искусстве Согда ярко проявляются элементы эллинистического происхождения, которые можно объяснить тем, что долго сохранявшиеся в храмовых хранилищах Тохаристана образцы греческого искусства могли "во время смут позднекушанского времени" попасть в Согд и "послужить образцом для местных подражателей". Трудно судить, насколько вторжение сюнну с севера сочеталось с поступлением греческих вещей с юга, и как все это вместе привело к быстрому росту поселений и городов. Нам кажется, что предлагаемый нами вариант развития событий - т.е. захваты хионитов (не сюнну-хуннов, а ираноязычных среднеазиатских степняков), приведшие к временному освобождению Тохаристана от сасанидского владычества, а также к упразднению границ между Согдом и Тохаристаном, и последовавшее позже объединение этих территорий под властью эфталитов - скорее могли бы привести и к массивному появлению в Согде греческих вещей из ограбленных тохаристанских хранилищ, и к бурному развитию урбанизма, и к упомянутому выше воздействию посткушанского Тохаристана. Таким путем и в тот же период могло, например, попасть к кангюйскому правителю Чача блюдо кушано-сасанидской работы (блюдо из Керчева), на которое в Чаче нанесли согдийскую надпись и чачскую тамгу.

Возвращаясь к тамгам, отметим, что известный бухарский знак, помещавшийся на серебряных и медных монетах Бухарского оазиса начиная с IV в. (табл.: 25), представляет собой, собственно говоря, лишь усложненную дополнительным "усом" тамгу S 2, а тамга правителей Чача (Ташкентский оазис), известная по монетам III - IV вв., а также по блюду из Керчева, в сущности, имеет довольно большое сходство с тамгой S 2 (особенно варианты начертания с круглой центральной частью) (табл.: 4-5). Для нас совершенно очевидно, что данные тамги имеют общее происхождение и их схожесть отражает тот факт, что в Чаче, Самаркандском и Бухарском Согде правили представители родственных кланов, что и отразили китайские источники, упоминающие "правлящий дом Кан", к которому принадлежали правители многих среднеазиатских владений). На примере так называемого "самаркандского знака" мы попытались представить некоторые события из истории нашего региона в смутную и малоизвестную эпоху хионито-эфталитских завоеваний. Знаки-тамги являются ценным источником исторической и этнической информации и требуют дальнейшего внимательного изучения.